

Альманах библиофила

Выпуск XI

Дмитрий Лихачев
МОСТ В БУДУЩЕЕ

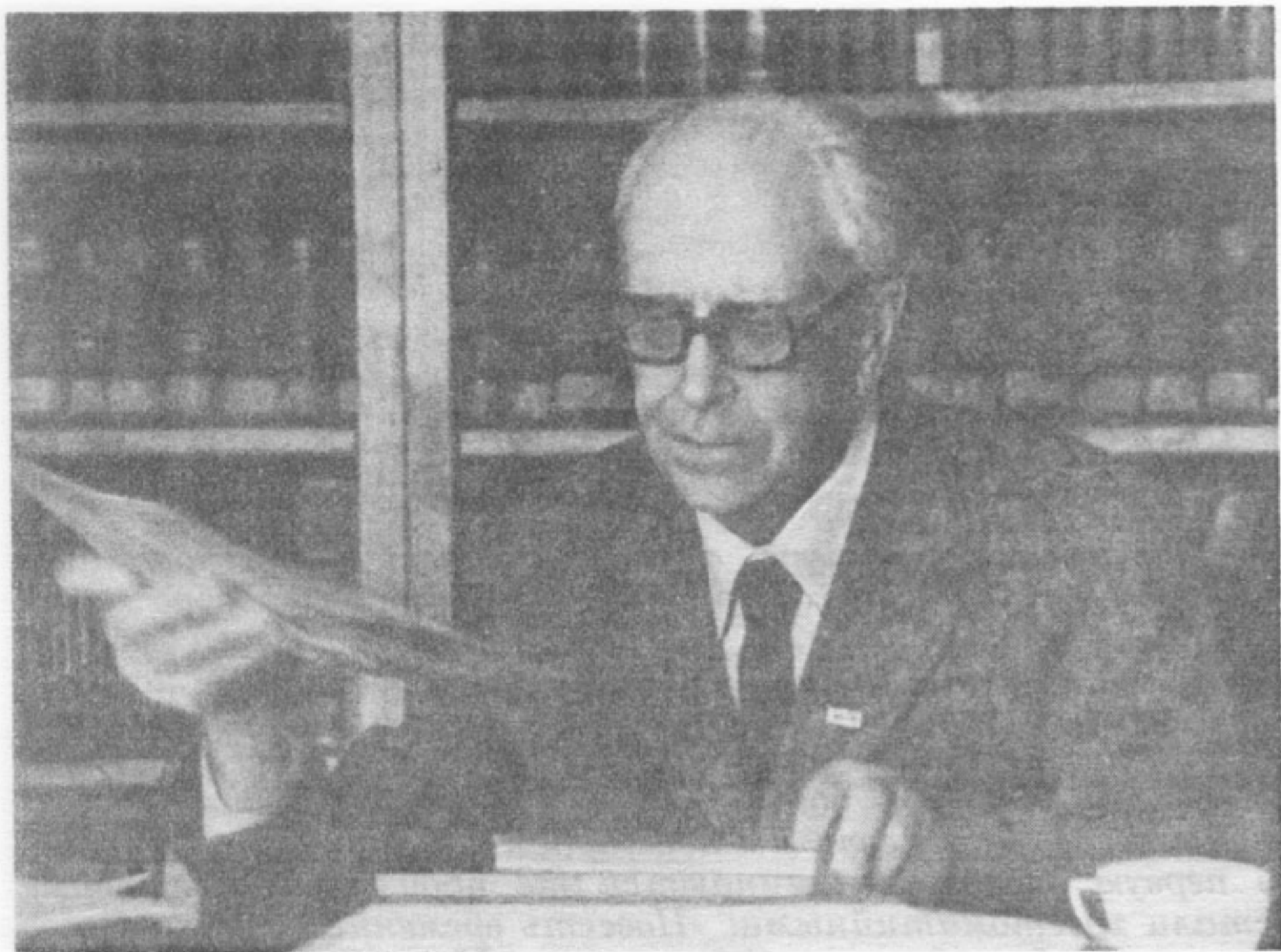
Беседу вел Константин Ковалев

Русской литературе, а следовательно, и русской книге уже почти тысяча лет. «Глаголь добро», «добро есть жизнь» — такие строки завещаны нам в нашей родной азбуке. Миллионы и миллионы букв, выстроившись в послушную цепочку «устава», «полуустава», скорописи, составляют страницы летописи национальной русской культуры. Представить себе все богатство книжного наследия Руси — немислимо. Даже если мы постараемся напрячь память, то в первую очередь вспоминаются те произведения, которые стали хрестоматийными: «Повесть временных лет», «Слово о законе и благодати», «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, вирши Симеона Полоцкого. Но на самом деле наследие это так огромно, что даже трудно составить его полное описание.

Понять значение духовного порыва древнерусского автора сквозь века, почувствовать истинное дыхание и пульс жизни пращуров наших помогают труды академика Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Поэтика древнерусской литературы», «„Слово о полку Игореве“ и культура его времени», «Человек в литературе Древней Руси», «Возникновение русской литературы» и многие, многие другие...

Наша беседа с Дмитрием Сергеевичем началась с разговора о некоторых существенных моментах, связанных с изучением культурного наследия прошлых времен на современном этапе.

— Однажды, Дмитрий Сергеевич, вы заметили, что в былые времена бабушки дарили своим внукам распространенную тогда игрушку — миниатюрный деревянный набор построек Троице-Сергиевой лавры. Ребенок из этих разрозненных кубиков собирал цельную конструкцию древнерусского строения. Вы говорили, что таким образом как раз и воспитывалось особое чувство архитектуры, и в первую очередь древне-

Академик Д. С. Лихачев

русской архитектуры, знание и любовь к близкой и понятной тогда старине. Можно ли создать подобную модель в области литературы, то есть, можно ли воспитать у современного читателя особое чувство древнерусской литературы, приблизить ее к нашему пониманию?

— Для этого, без сомнения, есть определенный путь.

— Через что же он лежит?

— Через раскрытие эстетических ценностей памятников всех предыдущих поколений. Видите ли, сейчас мы воспитаны на культуре XIX века. И прежде всего это относится к литературе. Понимание же культуры для каждого современного человека должно быть самым широким. Нужно уметь понимать сущность и романтизма, и классицизма, и барокко. Культура не стареет. В сути ее движения и развития лежит не изменение, а сохранение ценностей прошлого, открытие нового в старом. Так и лучшие образцы древнерусской литературы невольно участвуют в повседневной жизни XX века. Древние писатели, таким образом,—наши современники, поскольку их читают с интересом и сейчас. Для нынешнего читателя

необходим широкий культурный кругозор. Чем шире кругозор, тем больше у человека способности понимать и принимать ценности культуры даже не столько прошлого, сколько настоящего. Косность, подозрительность, нетерпимость ко всему чересчур «старому» или чересчур новому происходит именно от узости культурного кругозора.

— Но для преодоления косности необходимо ощутить, почувствовать всю реальность культурной ценности ушедшего времени?

— Если мы оглянемся вокруг, то заметим, что эстетические принципы средневековой литературы не умерли, а сосуществуют с эстетикой новой литературы. Народы многих развивающихся стран живут, мыслят на уровне средневекового эстетического сознания. К нему нужно устремить наши взоры, его следует глубоко воспринять. Это — один из первых шагов на пути постижения культуры прошлого. Мы по-настоящему сознаем только свое современное национальное искусство, а теперь (и этого требует время) должны сознавать искусство всех эпох и народов, зная, что каждая эпоха, каждый народ находились на своей, специфической, своеобразной стадии культурного развития.

Представьте себе, что будет, если каждый человек станет серьезно понимать различие, скажем, между романтизмом и классицизмом, если он будет «натренирован» или просто способен увидеть это различие. Тогда возможно настоящее приятие ценностей других культур. Так вырабатывается своеобразная этническая и в то же время этическая терпимость, гуманизм, рождающие миролюбие, уважение к другим народам. И тогда ни у кого не возникнет неприятия, например, негритянского искусства. Особенно же после его «открытия» для европейской цивилизации, после того колоссального влияния, которое оно оказало на нашу музыкальную, художественную культуру.

Перед наукой всего мира стоит гигантская задача — сохранить культурные памятники африканских и азиатских народов. Та же задача — сохранить и ввести в современную жизнь — стоит и в отношении истории культуры (и, в частности, литературы) нашей страны.

— В этом смысле родная речь, родное слово, литература, книга приобретают решающее значение...

— Конечно. Русскому человеку легче всего осознать эстетическую ценность наследия именно Древней Руси, так как в переводе с другого языка памятник «не звучит», часто на первый взгляд чужд, непонятен. Мы привыкли читать слово буквально и больше ничего за ним уже не видим. Средневеко-

Книги академика Д. С. Лихачева

вая же литература гораздо глубже связана со словом. В древнерусской книге слово точно, емко, язык лаконичен, мысль отточена, фабула насыщена, передача сюжета ясна и простодушна. Летописи на Руси всегда лапидарны, на книжных миниатюрах нет ничего лишнего. Но если проникнуться глубиной слова, как ее осознавали наши предки, то можно ощутить внезапное понимание того главного, что оно несет. В новой литературе — я имею в виду, в частности, литературу XIX века — многим писателям даже при помощи целых глав не удавалось так весомо высказать самое глубинное и самое задушевное.

Мы иногда не хотим представить себе, что существовало совсем другое эстетическое сознание. «Богомазы», — иронично говорят иные о древних русских иконописцах, как будто их уровень сознания был настолько примитивен, что они не могли

соблюсти не только элементарные композиционные законы живописи, но и не умели воспроизводить обычные пропорции человеческого тела. Сейчас ценность древнерусской иконописи уже общепризнанна, но все же частенько говорят, будто некоторые мастера «не умели рисовать», им не хватало «техники», что ли. А было как раз наоборот. Уровень сознания был настолько высок, что передача духовного опыта не представлялась возможной в виде слепого копирования красок окружающего мира. «Техника» и суть иконописи были на высоком уровне, а колоссальный опыт привел живописцев к богатому языку символов. Миниатюры книг, фрески — все это было отражением целой эстетической системы, а не простым «неумением».

— *Нельзя ли эту мысль сформулировать приблизительно так: уровень эстетического сознания во все эпохи был высок. Он лишь изменялся с эволюцией культуры и техническим прогрессом?*

— Это блестяще понял Пушкин, который впитал в себя многовековые традиции русской культуры. Вспомните эпизод смерти князя Олега «от коня своего». Какова сцена! По лаконичности, догадливости — она в лучших старых языковых традициях. И сказано все исключительно коротко, а как трогает душу, остается в памяти! Другое дело — «Война и мир» Толстого. Совсем иной эстетический мир. Чтобы проникнуть в его художественную «систему», нужна целая наука...

— *Значит, по-настоящему культурный человек может понять, принять к сердцу, скажем, и Даниила Заточника, и Андрея Платонова?*

— Такое понимание расширяет духовные, эмоциональные возможности человека. Через Древнюю Русь можно приблизиться к западному средневековому искусству, современной культуре Запада в ее лучших традициях. Развитие эстетического сознания значительно продвигает вперед культурное общение между народами, служит делу мира. Как война — аномальное состояние человечества, так и невежество — болезнь. В обоих понятиях одна изначальная нравственная суть...

— *Григорий Сковорода однажды заметил: тот, кто дома ума не набрался, и объездив весь свет — не наберется. Главным средством для знакомства с культурой остается все-таки книга. Но даже подержать в руках древний рукописный фолиант удаётся единицам. Я был свидетелем такого эпизода: женщина, увидев огромных размеров рукописный*

сборник начала XVII века в тугом кожаном переплете, воскликнула: «К такой книге даже прикоснуться страшно». Подобные раритеты — достояние музеев. А ведь необходимо, чтобы читатель полистал именно такую, редкостную книгу. Может быть, выход из положения — факсимильные издания? Как вы относитесь к такого типа книгам, как недавние «Киевская псалтырь» или «Сказание о Мамаевом побоище»?

— Прекрасно, что это осуществлено. Но это — капля из огромного моря древнерусской литературы.

— Значит, нужно искать другой выход? Можно ведь интересно издавать старинные тексты на древнерусском языке, воспроизводя его шрифт, а параллельно — давать перевод. Так часто выпускали подобные книги в XIX столетии.

— Мы осуществляем такую программу совместно с издательством «Художественная литература» во многотомном своде «Памятники литературы Древней Руси». Всего надеемся выпустить 10—12 томов. Увидел свет очередной сборник, куда включены памятники XII века. Таким образом, цикл, в который входят произведения литературы домонгольской Руси, завершен. Читатели смогут с еще большей полнотой познакомиться с творениями древнерусских авторов, полными оптимизма, полными поисков деятельного, бескомпромиссного, верного идеалам истины героя. Еще раз мы убеждаемся в том, что в старину литература не носила развлекательного характера. Книги обучали человека истории. Исторический монументализм домонгольской литературы был своеобразной школой, в которой учились находить смысл существования человека и человечества, стремились постичь сущность, назначение Русского государства.

— Параллельные тексты позволяют, очевидно, еще больше приблизить к нам язык древности?

— Конечно. Это своего рода учебник древнерусского языка. И главное, чему он может научить, — лаконизму. Необходимо, как мне кажется, подготовить и выпустить удобный словарь языка Древней Руси. Сейчас Институт русского языка АН СССР осуществляет многотомное издание подобного словаря. И все же — он не полон. Впрочем, дело и не в полноте. Крайне нужно издание учебного, одготомного словаря, которым можно было бы пользоваться повседневно, так, как мы пользуемся словарями иностранных языков. Почему бы не выпускать маленькие, удобные для работы словарики? А то получается, что свой родной, исконно русский язык мы почему-то «обошли».

А миниатюры? Ведь без этих «иллюстраций» нельзя по-настоящему читать древнерусскую книгу. Их нужно тоже как следует воспроизвести. И в первую очередь — Радзивилловскую летопись XV века — уникальное собрание миниатюр, Лицевой свод XVI века, где иллюстрации находятся за редким исключением на каждой странице, весь цикл книг, связанных с Куликовской битвой. Ведь слово выступало главным образом в своей зрительной сущности. Произведения читались по многу раз и текст необходимо было украшать инициалами, заставками, писать хорошим почерком, чтобы страница приняла красивый вид...

— В этом смысле древнерусский храм тоже представлял собой гигантскую иллюстрированную книгу. Человек, входя в него, как бы раскрывал эту книгу и, глядя на фрески, иконы, — не спеша прочитывал ее. Многие персонажи фресок держат

в руках книги или свитки, также предназначенные для чтения. Дионисий, расписывая Рождественский собор Ферапонтова монастыря, в люнетах изобразил тогдашних еретиков, которые только тем и отличаются от всех остальных, что держат в руках длинные свитки со своими толкованиями. Ведь за этим тоже стоит литература...

— Безусловно. И книжная миниатюра — также толкование, комментарий. Кстати, изучая миниатюры, мы можем понять и степень осведомленности читателя тех времен, характер его восприятия, его образованность, стиль мышления и т. д. Миниатюрист — такой же читатель. Он рисует, как понимает, или же — чтобы другой читатель понял. Таким образом, искусство оформления книги в средневековье

Битва с монголо-татарами.
Миниатюра из «Жития Ефросинии
Суздальской»
Собрание Пушкинского Дома

представляет собой своеобразное литературоведение эпохи.

— А можно ли попробовать воскресить круг чтения «среднего» человека Древней Руси? Ведь в домонгольское время, как известно, существовали частные книжные собрания.

— Это более чем трудно. Если говорить о литературе светской, то до нас она почти совсем не дошла. Некоторые же экземпляры имеются буквально в одном-двух списках. Говорит ли это о том, что книг не было? Скорее — утверждает обратное: их зачитывали так, что они пропадали. То же самое происходит с наиболее популярными книгами в современных библиотеках.

— Тем не менее, вы писали, что кроме богословской литературы на Руси в XI—XIII веках были известны «Хроники» Григория Амартола и Иоанна Малалы, сочинения Иосифа Флавия и поэма византийца Акрита. Б. В. Сапунов в своем исследовании «Книга в России в XI—XIII вв.» собрал сведения о том, что на Руси читали в переводах произведения Гомера, Платона, Аристотеля, Плутарха, Пифагора, Ксенофонта, Демокрита, Еврипида, Геродота, Демосфена, Эпикура, Зенона, Козьмы Индикоплова...

— «Книжный» человек располагал такого рода литературой. Хотя он мог читать все это не только в переводе. Ведь человек считался «книжным», если он хорошо знал богословие, языки, прежде всего — греческий, имел своеобразный ораторский талант, что считалось специфической особенностью человека того времени. Ораторские речи постоянно произносились на вече, на судах, перед битвами, на посольских приемах. Речи были подобны летописям — они были краткими, содержательными, запоминающимися.

— Документы относят к таким «книжникам» князя Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Илариона, Климента Смолятича и некоторых других. Не значит ли это, что «не книжные» люди — это были все остальные, что их было слишком много? Интересно, что «вежей» называли именно «книжника», а «невежей» — наоборот.

— О грамотности особая речь. В Древней Руси грамотность была распространена сильнее, чем в XVI или XVII веках. Образование — это не только лишь умение читать или писать. Образование — это скорее общая система знаний. Многие ли были приобщены к ней? Почти все. Человек получал знания через коллективное чтение. Книгу не просто читали, ее рассказывали, как фольклорное произведение. Действительно, как это нехорошо — читать книгу только для себя! А в Древней

Руси, даже когда человек читал в одиночестве, то читал вслух. Многое знал наизусть. Произведения таким образом входили в сознание человека, даже если он по нашим меркам был неграмотен...

— «Изборник» 1076 года дает, можно сказать, первые рекомендации читателю: «Добро есть, братие, почитание книжное... Когда читаешь книгу, не торопись быстро дойти до другой главы, но поразмысли, что говорят книги и словеса те и трижды обращай к одной главе...» Подобные мысли можно найти во множестве в древнерусских книгах, но, к сожалению, мы не можем большинство из них читать даже в переводах — их нет.

— Вопрос этот очень важный. До сих пор пока еще не изданы замечательные произведения: Пролог, Елинский и Римский летописец, Великие Четыи Минеи Макария, Измарагд, переводная Хроника Манассии, или Диоптра. Не известны широкому читателю полные собрания сочинений Максима Грека, Аввакума, Симеона Полоцкого. Почти совсем не выходили в последнее время жития, произведения ораторской прозы. А ведь древнерусская книга «паче злата»...

— К слову, о первых профессиональных писателях Руси. Вы называете в их числе Пахомия Логофета, жившего в XV столетии. Почему?

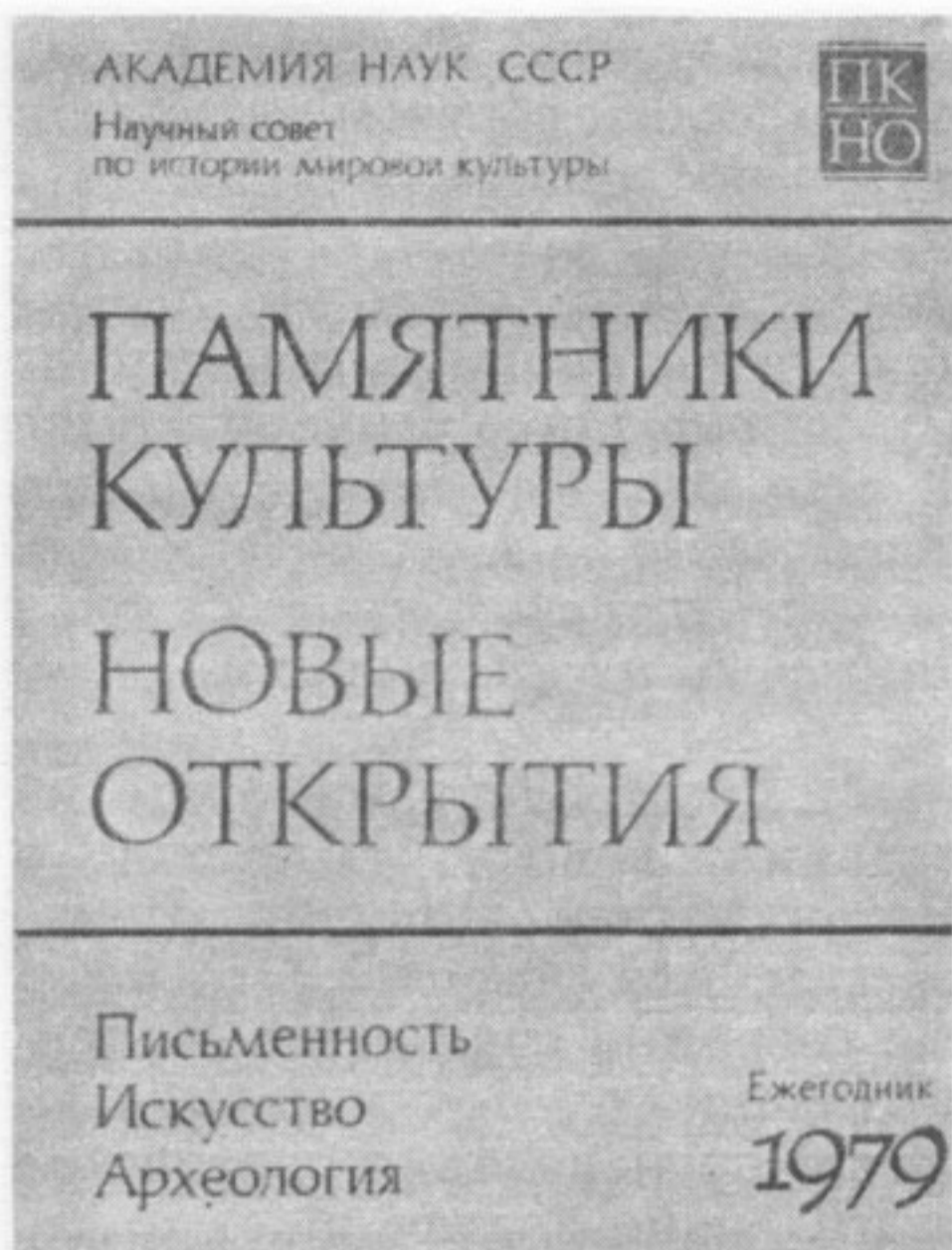
— Критерий прост: систематическая деятельность Пахомия по составлению сборников, по переводу и переписке книг. То есть — работа за деньги. Ранее автор был в некоторой степени анонимен. Переписка книг была делом духовной жизни. Для Пахомия же это — ремесло, которым он зарабатывал себе на хлеб...

— Дмитрий Сергеевич, если вернуться к нашим дням, — из каких книг состоит ваше домашнее собрание?

— Я никогда не стремился к сбору древностей, и библиофилом также назвать себя не могу. Сбором старых книг мы занимаемся в нашем Древлехранилище Института русской литературы Академии наук СССР. Мою личную библиотеку в основном составляет специальная литература: почти все, что связано с изданием летописей или о них, все, что связано со «Словом о полку Игореве», есть и его первое издание, осуществленное А. И. Мусиным-Пушкиным, книги серии «Литературные памятники»...

— Число книг этой серии, если я не ошибаюсь, уже приближается к тремстам?

— Да. А произведений, которые они охватывают, уже давно за 500. Кстати, это во всемирном масштабе уникальное издание с наиболее полными комментариями к каждому

*Ежегодник «Памятники культуры.
Новые открытия»*

«Памятники культуры» — сборник, который предлагает широкому кругу исследователей, изучающих культурное наследие прошлого, квалифицированную, нужную информацию. Каждая крупица знаний представляет ныне интерес не только для специалистов, но и для любого образованного человека. Привлечь же внимание к незаметным «объектам» необходимо, чтобы можно было осознать их культурную ценность.

Таким объектом изучения может быть и личная библиотека ученого, артиста, художника, и небольшое книжное собрание крестьянина XIX века, и надписи на стенах древних зданий, и резная миниатюра, и предметы обихода Древней Руси, и архитектура «русского модерна», и даже пометки на полях книги. Открывая все новые и новые ценности вокруг себя, мы обогащаем нашу «культурную память».

Кстати, о личных библиотеках. Книжная коллекция отражает личность владельца, его интересы. Расформировывать такое собрание при поступлении в фонды хранилища — это все равно, что разбирать произведение архитектуры на отдельные камни. Сейчас мы, например, по крохам восстанавливаем библиотеку В. Н. Татищева. Только с ее помощью можно будет более точно объяснить многие его интересы, убеждения.

памятнику, которые помогают проникновению читателя в иные культурные сферы. Это прямое осуществление того, о чем мы с вами уже говорили.

— *Дмитрий Сергеевич, расскажите, пожалуйста, о последнем выпуске ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия», главой редколлегии которого вы являетесь.*

— Осуществляет выход в свет ежегодника Научный совет по истории мировой культуры АН СССР. Издание это очень нужное. Мы расширяем само понятие «памятники культуры». То, что раньше не представляло интереса, не привлекало к себе внимания, теперь — достояние исследователей.

Особенно важен раздел его библиотеки, где была собрана французская литература. Опубликовали рассказ о блестящем собрании книг режиссера Г. М. Козинцева. На многих книгах остались важные пометки, сделанные его рукой. Вы знаете, записи на книгах вообще представляют отдельный интерес. Как, скажем, режиссерские пометы А. Н. Бенуа на недавно найденной партитуре оперы «Пиковая дама».

Наш ежегодник в какой-то степени стимулирует работу небольших музеев различных городов страны. Новые культурные памятники, как известно, открываются чаще всего именно там. Важно дать простор автору находки для широкого ознакомления с ней нашего читателя. Вещи не вечны. В периферийных музеях они порой и пропадают. Публикация же позволит сохранить памятник для нас.

Я хочу добавить, что страницы ежегодника мы часто предоставляем молодым ученым. Для некоторых из них — это первая публикация. Чаще всего материалы написаны на самом высоком научном уровне, доказательны, обоснованны, интересны. Тот или иной памятник исследуют многие маститые ученые, но мы оставляем право первого выступления в печати за автором находки, даже если он менее авторитетен.

Последний выпуск «Памятников культуры» познакомил читателей с интересными сведениями об армянской рукописной книге, с письмами Дельвига, Алексея Константиновича Толстого, Ференца Листа, Вяземского, Жуковского, с дневниками Андрея Белого, ранними стихами Анны Ахматовой, с собранием книг видного государственного деятеля России середины XVIII столетия П. И. Мусина-Пушкина, с коллекцией бетховенских рукописей Азанчевского, с произведениями художника Федора Зубова, неизвестными картинами Луиса де Колери в музеях СССР и многим другим.

В дальнейшем мы будем вводить в сборник все новые и новые рубрики. Надеемся, что это повысит интерес к изданию. Особое значение будет придаваться качеству иллюстраций, которые необходимо выполнять и в цветном варианте...

— В упомянутом вами Древлехранилище Пушкинского Дома собрана богатейшая коллекция рукописных книг. С каждым годом она пополняется новыми находками. Вы как-то писали об экспедициях за старинными книгами. В 1979 году, например, сотрудниками сектора древней русской литературы был найден сборник изречений, составленный в конце XVIII века, где есть кое-что и для книголюбов: «...егда же чтение прилежно и всем сердцем со многим прилежанием прочитай словеса, а нещися токмо листы обращати». Расскажите, пожалуйста, об этой библиотеке.

*Выставка последних находок экспедиций Древлехранилища
Института русской литературы
(Пушкинского Дома) АН СССР*

— Наши экспедиции отправляются ежегодно — на Мезень, Печору, Северную Двину, в Прионежье, в Витебскую область. Открытия делаются и на Алтае, и на Урале, и в Сибири. При переселении в Сибирь огромное количество рукописей крестьяне везли с собой. (Поэтому Новосибирское собрание рукописных книг сейчас — одно из крупнейших в стране.) Находки возможны и в самих хранилищах.

Начало собранию Пушкинского Дома было положено в 1949 году трудами В. И. Малышева. С тех пор количество найденных рукописей перевалило за 10 тысяч. О наиболее ценных находках уже писалось. Это — отрывки из Евангелия XI—XII веков, Пустозерский автограф «Жития протопопа Аввакума», написанный в соавторстве с Епифанием, «Слово о Рахмане» конца XV столетия, фантастические идеи этого произведения опередили по своей смелости и по времени «Утопию» Томаса Мора, судный список по делу Максима Грека.

Сейчас мы особое значение придаем приобретению и включению в состав Древлехранилища родовых крестьянских библиотек, сохранившихся на Севере.

— На выставке в Дрeвлехранилище я уже видел некоторые книги из таких собраний. Примечательны находки самодельных предметов крестьянской «типографии»: печатки для тиснения обложек, перо для разрисовки, разлинованная доска для подкладывания под чистый лист, станок. Они так сохранились, что и сейчас пригодны для работы... Дмитрий Сергеевич, а каковы наиболее интересные поступления последних лет?

— Не так давно поступила «Космография» Джовани Ботеро XVI века. В переводе с польского на русский в те времена она звучала так: «Ян Ботер Бенесиус. Театрум света всего, на котором: Азия, Европа, Африка и Америка». На книге — своего рода экслибрис 1681 года. Надпись гласит, что она из личной («келейной») библиотеки митрополита Казанского Адриана. Очень любили на Руси сборники. Ведь в одной книге можно было переплести сразу многие необходимые для чтения произведения. Объединялись обычно писания различных жанров: повести, жития, предания, сказания, истории. Мы часто находим подобные конволюты.

Попадают к нам в руки и простые крестьянские письма XVII, XVIII столетий. В своем роде это замечательные документы, отражающие быт того времени.

К числу самых последних поступлений можно отнести Минею служебную (на июль месяц) XV века, на полях которой остались замечания на русском и польском языках, сборник сочинений Нила Сорского конца XVI — начала XVII столетия, Апостол XVI столетия.

Заметьте — вся работа по исследованию этих памятников проводится минимальным количеством научных сотрудников. В Ленинграде нас лишь 10 человек, а в Москве — пятеро...

Исследование древнерусской книжности, литературы — сложная, но первостепенная задача. О культуре Древней Руси, например, профессор Джеймс Биллингтон говорит как о культуре «интеллектуального молчания». Но мы с каждым днем все более убеждаемся, что словесное искусство нашей древности никогда не было «молчаливым». Более того, ясно, что русская литература от X века до наших дней развивалась непрерывно, представляла собой единое целое, единый процесс. А общекультурный, общечеловеческий характер искусства Руси — известен. Теперь даже некоторые западноевропейские издания, посвященные шедеврам мировой живописи, открываются репродукциями рублевской «Троицы»...